

Юрий Колкер

В СТОРОНУ НАРЕЖНОГО

Делаю крохотный шаг в сторону моей давней мечты — поставить нерукотворный памятник Василию Нарезному (1780-1825), первому по времени и важнейшему по значению русскому романисту, «родоначальнику русских романистов» (Белинский), писателю европейского масштаба, практически незамеченному неблагодарными соотечественниками. С этой целью *переписываю от руки* в новой орфографии и вывешиваю в сеть исследование о нём госпожи Н. Белозерской, опубликованное в конце XIX века (1888-1891). Взято оно мною тоже из сети (и старую орфографию я предпочитаю новой, большевистской, только она мне не по силам), но вывешено её сочинение в сети так, что — видит глаз, да зуб неймёт: читать до крайности неудобно, а копировать хотя бы кусками и искать нужное место по ключевому слову — невозможно, причём это — диверсия намеренная. Крохоборы, мелочные скряги, не имеющие ни малейших прав на это сочинение, вывесили его в надежде заработать на нём, и, разумеется, не заработали ни копейки в теперешней затхлои России, а русскую литературу, предположительно великую, в грязь затапывают. «Широки натуры русские!»

В книге о Белозерской сказано, что её историко-литературный очерк о Нарезном был в 1893 году удостоен премии. Я начал читать и переписывать её труд с благодарностью и чуть ли не с благоговением: надо же! нашелся в XIX веке умный и честный человек, понимающий литературу и свой долг патриота! — а заканчивал я чтение с величайшим раздражением против Белозерской. Работала она усердно, спору нет, сведений важных и интересных (не только и даже не в первую очередь о Нарезном) сообщает много, иные из них очень не мешало бы знать людям литературным, но она — кто угодно, только не писатель, не мыслитель и не вдумчивый критик. Вряд ли вину за бесконечные ошибки в её тексте (вроде «хри^истоматии» или «также» в значении «так же») можно целиком переложить на безграмотного типографского наборщика. Обильные цитаты все как одна идут с искажениями, и какими! — «убийство» вместо «буйства», но зато педантично снабжены ссылками на страницы книг Нарезного, — наукообразие наведено! Белозерская пересказывает сюжеты романов Нарезного — и при этом обходит самые интересные и захватывающие сюжетные повороты. Она не может правильно написать имён героев Нарезного (имён, следует признать, причудливых). Словарь Белозерской беден, язык коряв, расстановка знаков препинания — обескураживающе нелепа (говоря это, исхожу не из теперешней нормы, а из тогдашней и здравого смысла). Нарезного, спасибо сочинительнице, она признаёт большим талантом и первым по времени настоящим русским прозаиком, чего и отрицать нельзя, иначе на это место становится Фаддей Булгарин. Белозерской поневоле то и дело приходится говорить о Гоголе, и она, нехотя и с видимым усилием, признаёт зависимость Гоголя от Нарезного, — хотя из её же собственных примеров видно, что Гоголь не то что следовал в чём-то за Нарезным, а попросту обобрал покойника. Сопоставление Нарезного с Гоголем — худшее в сочинении Белозерской. Она целиком в плену установившегося суеверия; не видит очевидного: что как писатель Гоголь посредственность, что Нарезному он — по щиколотку. Понятно, что полвека безудержных восхвалений Гоголя — барьер не шуточный, но ведь на то и существует критическая мысль, чтоб рассеивать подобные

предрассудки. Не мешает вспомнить, как этот вздор начался: в 1835 году (при жизни Пушкина, Жуковского, Боратынского!) Белинский заявил, что трон первого русского поэта (!) перешел от Пушкина к Гоголю — к начинающему неумелому прозаику, недоучке без родного языка и сколько-нибудь основательной культуры! Белинским повелевали соображения конъюнктурные, ему нужны были «свои Новалисы и Тики» в России, русская романтика, народность; ему, да и самому Герцену, стал вдруг мешать бельведерский мрамор классицизма. А ведь Белинский был «властителем дум» (в краю, где думать ленились), — вот и пошло-поехало. Чтобы закончить с Гоголем, выскажу моё твердое убеждение, что литература, возвеличившая Гоголя, не может называться великой.

Возвращаюсь к Н. Белозерской. Отмечаю как анекдотическую глупость её суждение о романе Нарезного *Два Ивана, или Страсть к тяжбам* (откуда Гоголь украл всё, что оказалось ему по уму). Она восхищается, и совершенно справедливо, первой половиной романа, а про вторую говорит, что эта часть будто бы «не самобытна», подражательная — не делая даже попытки обосновать это суждение. На самом деле первая часть романа Нарезного отдаленно напоминает *Ромео и Джульетту* (сюжет которой у Шекспира не свой, заимствованный, то есть в рассуждении Белозерской Шекспир «не самобытен»), вторая же часть романа Нарезного по сюжетному ходу — не знает себе примера во всей европейской литературе, да сверх того увлекательна, захватывающе интересна, читается на одном дыхании, как романы Вальтера Скотта и Роберта-Льюиса Стивенсона, — попробуйте найти способ примирить семьи Монтеки и Капулетти! — а Нарезный находит! Что же побуждает Белозерскую идти против очевидного? А вот что: ей не нравится счастливое завершение романа! Перед нами — ещё одно суеверие: к концу XIX века в России додумались, что литература должна нести социальную нагрузку, звать к свободе, обличать и разоблачать язвы общества, то есть брать на себя не свойственные ей посторонние задачи. Но ведь изначального назначения художественной литературы, — занимать, восхищать и радовать читателя, пусть даже слегка наставляя его, — никто никогда не отменял, и в XVIII веке это понимали лучше, чем в XIX. «Полезное увеселение» (1760-1762), «Приятное и полезное препровождение времени» (1798) — вот лозунги времени (названия литературных журналов при московском университете), сменившиеся лозунгом «На баррикады, буржуям нет пощады!» и приятным препровождением времени в ГУЛАГе. Нарезный не задавался целью написать трагедию или сатиру, не ставил себе целью ниспровергнуть существующий строй; его нравоописательная вещь ближе к улыбочивой комедии (этого жанра тоже никто не отменял), и она — самостоятельна («самобытна», говоря языком Белозерской) и прекрасна от начала до конца, а её счастливый исход не только к месту, он — единственное возможное логическое завершение такого сочинения. Что до язв общества, то обличать их — дело религии. В России, где живого религиозного творчества не было веками, литература в XIX века взяла на себя вовсе чуждую ей функцию, чем на минуту и заморозила Европу.

Слово *самобытный* не сходит со страниц сочинения Белозерской и почти всюду идёт не к месту. Слова *самостоятельный*, *независимый* — отвергнуты ею не слу-

чайно. Исследовательница всерьёз полагает, что достоверно описанный *быт* — главное художество романиста. Она называет не самобытным всё, что не укладывается в её народническую идеологию. Она думает, что если сочинение писателя чем-то похоже на прежние сочинения других писателей, то это — подражание. На такое и возражать бы не следовало, но я возражу. Литература живёт преемственностью. Вполне оригинальный автор невозможен и не нужен, его никто и прочесть-то не сможет (в этом духе высказывался Гёте). *Евгений Онегин* никогда не был бы написан без *Дона Жуана* Байрона, *Дубровский* — без Вальтера Скотта и Шиллера. Между прочим, именно к *Дубровскому* очень подходит это словечко Белозерской: не самобытен. Язык Пушкина прекрасен (куда лучше языка Нарезного!), сюжет строен даже в этой незаконченной вещи, — но физиономии героев бледны рядом с такими Нарезного, русские крепостные у Пушкина ведут себя, как английские иомены, а сюжет, при всей его стройности, не осуществлен, обломлен там, где должен был получить развитие. Эта вещь потому ведь и осталась не законченной, что Пушкин увидел её несамостоятельность (даже название *Дубровский* не принадлежит Пушкину).

Оставляю без возражения другие ошибки Н. Белозерской, которой я всё-таки благодарен за её труд, отчего и довел до конца мою копию (на неё ссылка внизу). На многое Белозерская открыла мне глаза, в первую очередь на существование обширной *допечатной* (допетровской, рукописной) русской литературы, наивной, но любопытной прозы, показывающей, среди прочего, громадное культурное отставание Московии от стран Западной Европы. Ещё важнее некоторые уточнения и напоминания Белозерской, среди них не в последнюю очередь то, что русская поэзия и театр намного — на много гулливеровых шагов — опережали в своих достижениях русскую прозу (в малом это повторяет большое: в истории человечества поэзия и драматическое действие возникли гораздо раньше прозы). Как поучительный щелчок по носу воспринимаю употребление Белозерской слова *современный* — в его настоящем, правильном смысле; *современный* без дополнения значит: современный тем, о ком речь. Теперешнее установившееся значение этого слова: *современный нам*, — досадная неряшливость. Отмечу, что слово *реальный* идёт у Белозерской в нынешнем значении *реалистический*, но, по мне, — нынешний вариант лучше.

Переписывая сочинение Белозерской, я поначалу (пока моё доверие к ней держалось высоко) воспроизводил все её стилистические нелепости, а примерно со второй половины текста кое-что стал поправлять, в первую очередь — расстановку запятых, которые у Белозерской стоят так, что иной раз и смысл теряется. Особое раздражение вызывает у меня то, что Белозерская пропускает запятую и прописную букву в принятой и установившейся конструкции названия всякого сочинения, содержащем союз *или*: вместо *Два Ивана, или Страсть к тяжбам* пишет всюду «*Два Ивана или страсть к тяжбам*» (кавычки тоже лепит, где не надо, но это у всех русских давняя болезнь). В первом случае союз *или* означает уподобление, во втором — противопоставление, но есть люди, которым не втемяшить, что неправильная запись меняет смысл высказывания.

Каюсь: кое-где вставляю мои ремарки в квадратных скобках — там, где не было сил не возразить. Всё, что в моём воспроизведении труда Белозерской идёт курсивом, у неё дано разрядкой. Несомненные опечатки я исправляю.

Напрашивается вопрос: отчего я, не жалея горба моего, переписываю это громадное сочинение полностью, с его ошибками, ляпсусами и нелепыми сокращениями типа «имп. моск. универс.», «Вестн. Евр.» (будто так уж трудно было написать слова целиком!)? отчего стараюсь даже графику Белозерской воспроизвести, все эти «Спб» вместо «СПб», все эти совершенно лишние «г.» и «гг.» после дат? Оттого, что урезанная и сильно отредактированная публикация кажется мне посягательством на права человека, на свободу информации. Куски, выпущенные мною, могут быть важными для другого. Да и самые ошибки автора, писавшего сто с лишним лет назад, могут показаться любопытными и поучительными.

30.04.24

[Н. Белозерская. ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ НАРЕЖНЫЙ](#)